

Материалы конференции

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВА

Покидченко Михаил Георгиевич
*доктор экономических наук, профессор,
МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет
(г. Москва, Россия)*

Аннотация

В статье описываются жизненный путь оригинального мыслителя начала XX в. А.А. Богданова и разнообразные направления его творчества, к числу которых относились всеобщая организационная наука, теория пролетарской культуры, экономические теории и др. Все они были составными частями его теории социализма, в определенной степени отличавшейся от теории российских марксистов, за что в 1911 г. Богданов был исключен из РСДРП. Однако после этого Богданов продолжал разрабатывать свои идеи социализма и в теории, и на практике.

Ключевые слова: социализм, история, экономика, политика, культура.

JEL коды: B20, B24, B25.

Для цитирования: Покидченко М.Г. Социалистическая утопия Александра Богданова // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2024. Том 16. Выпуск 4. С. 191-200. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-4-191-200.

До работы над докладом, на основании которого была написана эта статья, мои представления о Богданове были другими. Я представлял его разносторонне талантливым человеком, который слишком разбрасывается – он и революционер, и создатель «всеобщей организационной науки тектологии», и экономист-теоретик, занимавшийся, в частности, проблемой межотраслевого баланса, и преподаватель политической экономии, и врач – основатель Института переливания крови, и писатель-фантаст. Но оказалось, что все эти направления творчества Богданова были связаны с его теорией социализма.

Но перед тем, как подробнее рассмотреть теорию социализма Богданова следует кратко познакомиться с его жизнью, тоже весьма незаурядной. Мы увидим, что не только его творчество, но и всю его жизнь определяла «одна, но пламенная страсть» – идея построения социализма, не совпадавшая, правда, с представлением о социализме у большевиков, к которым он вначале принадлежал.

А.А. Малиновский (партийный псевдоним – Богданов) начал свою революционную деятельность, когда его, студента Московского университета, за «неблагонадежное поведение» в 1894 г. исключили из университета и выслали в Тулу. Там он был привлечен к проведению

занятий в рабочих кружках. Во время этих занятий происходит его эволюция – во-первых, студент-естественник стал изучать и преподавать политическую экономию, знакомясь в том числе и с «Капиталом» Маркса, и, во-вторых, его народолюбческие взгляды постепенно меняются на марксистские, и в итоге он становится социал-демократом, причем в более радикальном большевистском варианте. В результате в 1897 г. Богданов издал «Краткий курс экономической науки», написанный с марксистских позиций, который высоко оценил Ленин. Но одновременно, после ссылки в Туле, Богданов учился на медицинском факультете Харьковского университета, который окончил в 1899 г.

Далее идет следующий этап его жизни – жизни профессионального революционера, деятельность которого на воле сменялась ссылками в Калуге и в Вологде. В этих ссылках он сближается с такими неординарными людьми, как Луначарский, Базаров и Скворцов-Степанов, о которых речь пойдет далее. В 1904 г. Богданов приезжает в Женеву, где лично знакомится с Лениным и вместе с ним активно включается во внутрипартийную борьбу с меньшевиками. В 1905–1910 гг. Богданов был членом ЦК РСДРП. Однако в это же время стали нарастать расхождения Богданова и Ленина в теоретической области.

Дело в том, что среди лидеров российских марксистов можно выделить людей, более склонных к теоретической либо к практической, революционной деятельности. Отсюда их отношение к теории Маркса – у первых к ней был чисто научный интерес, для вторых это было руководство к действию. Поэтому марксисты-теоретики на определенном этапе своей жизни считали теорию Маркса весьма интересной и правильной, но затем по мере появления в мировой науке новых философских и экономических теорий также с интересом их воспринимали, сначала пытались соединить с философской и экономической теорией Маркса, а затем окончательно переключались на новые теории. Марксисты-практики в свою очередь считали таких марксистов-теоретиков еретиками и предателями.

Первый такой эпизод в истории российского марксизма произошел в 1890-е гг. В этот период в мировой философии появились неокантианские теории, а в мировой экономической науке – маржиналистские и институционалистские теории. Ими заинтересовались такие лидеры российского марксизма, как Струве, Туган-Барановский и Булгаков (Ленин презрительно называл их «легальными марксистами»). В результате с ними произошла эволюция по указанной выше схеме, и в начале XX в. Струве и Булгаков в области экономической науки стали институционалистами, а Туган-Барановский в своих работах стал использовать идеи и маржинализма, и институционализма, и других теорий. Что касается их политических взглядов, то Туган-Барановский из марксиста стал сторонником «этического социализма», Булгаков – сторонником «христианского социализма», от которого он затем тоже отошел, а Струве вообще отказался от социализма и стал одним из основателей партии «кадетов» (конституционных демократов). В результате в начале XX в. единственным лидером российских марксистов-большевиков остался Ленин, который был прежде всего организатором революционной партии. Что же касается его теоретических работ, то они были прежде всего обоснованием его позиций в борьбе с другими течениями российского и мирового революционного движения. На теоретические основы марксизма Ленин не посягал.

И вот в начале XX в. началось очередное теоретическое брожение среди российских марксистов. Одним из лидеров «новых еретиков» был Богданов, с интересом воспринявший появившиеся в мировой философии теории неопозитивизма, в частности теории Маха, Авенариуса и Оствальда. Позитивизм как новое направление философии сформировался в середине

XIX в., и его основателями были Конт, Милль и Спенсер. Позитивисты сняли так называемый «основной вопрос философии», существовавший с начала ее появления как науки: «Что первично – материя или сознание?» и вытекающий из него причинно-следственный подход к изучению мира и человека. Они считали, что все в мире взаимосвязано и находится в равновесии, хотя и не отрицали развития равновесных систем.

Этих же ключевых для позитивизма принципов придерживались и неопозитивисты начала XX в., пытавшиеся, например, заменить понятия «материя» и «дух» единым, универсальным понятием «энергия». Вслед за ними и Богданов попытался создать свою философскую теорию эмпириомонизма. (Первый сборник философских статей Богданова под названием «Эмпириомонизм» вышел в 1904 г., второй и третий вышли в 1905 и 1906 гг.) Принцип монизма предполагал единство законов материального и духовного мира. «... исходя из фактов и идей современной науки, – писал Богданов, – мы неизбежно приходим к единственно целостному, единственно монистическому пониманию вселенной» (Богданов, 1989, кн. 1, с. 73). Развивая эти идеи, Богданов позднее стал создавать всеобщую организационную науку тектологию, ставшую предшественницей общей теории систем.

На такое отступление от диалектического материализма ополчились «твердокаменные» марксисты Плеханов и Ленин. Развернутую критику как теорий зарубежных неопозитивистов, так и работ Богданова Ленин дал в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1909). Но теоретической дискуссией Ленин не ограничился, и в 1910 г. Богданов был выведен из состава ЦК РСДРП. Он попытался создать группу «Вперед», которую Ленин назвал «фракцией карикатурных большевиков», но и в ней у Богданова начались разногласия, и в 1911 г. он вышел из партии и прекратил политическую деятельность, хотя и остался сторонником социализма. Вместе с Богдановым из партии вышли еще несколько видных большевиков, среди которых был Базаров – талантливый экономист, создавший в 1926–1927 гг. первые в мире теории экономического роста.

Прежде чем перейти к характеристике третьего периода жизни Богданова, следует сказать, что его деятельность и его теоретические работы оставались под пристальным вниманием руководства партии большевиков и периодически подвергались критике. Осенью 1923 г. Богданов даже подвергся кратковременному аресту – его невиновность была доказана, однако, освободив Богданова, «железный Феликс» не преминул сказать: «Ваши идеи служат контрреволюции!» (Гловели, 1991, с. 43). Обвинения в «богдановщине» использовались и после его смерти. Например, на похоронах Богданова в 1928 г. Бухарин сказал: «Я пришел сюда, не смотря на наши разногласия, чтобы проститься с человеком, интеллектуальная фигура которого не может быть измерена обычными мерками. Да, он не был ортодоксален. Да, он, с нашей точки зрения, был "еретиком". Но он не был ремесленником мысли. Он был ее крупнейшим художником» (Богданов, 1989, кн. 2, с. 345). Но когда затем Сталин громил «правый уклон» самого Бухарина, одним из обвинений была его опора на «механистическую теорию равновесия Богданова». Да и после сталинского периода в советской печати периодически критиковали кого-либо за близость к идеям Богданова.

В последний период своей жизни, перестав быть революционером, Богданов занялся врачебной практикой и научной работой. Прежде всего он стал разрабатывать всеобщую организационную науку – тектологию. Первая часть его фундаментального труда вышла в 1913 г., вторая – в 1917 г., и третья часть – в 1922 г. (Были и другие публикации Богданова на эту тему.) Также он занимался исследованием других аспектов своей теории социализма.

Ни в Февральской, ни в Октябрьской революции 1917 г. Богданов участия не принимал. От предложения его друга Луначарского, возглавившего после Октябрьской революции Наркомпрос, занять там любой пост, Богданов отказался, мотивируя это своим несогласием с политической программой большевиков. Но затем он, увидев, что социализм в России, хоть и не по его модели, все-таки развивается, стал участвовать в общественной и научной жизни советского государства.

«В 1918–1921 гг. он работал профессором политической экономии 1-го МГУ, был одним из основателей Социалистической (затем Коммунистической) академии (1918 г.), членом ее Президиума (1918–1926 гг.), работал в идеологической секции и комиссии по переводу на русский язык трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. Как член Комакадемии А.А. Богданов активно участвовал в экономических дискуссиях 20-х годов – об исторических границах политической экономии (1925 г.), о "законе ценности" (1926 г.), об абстрактном труде (1927 г.)» (Богданов, 1989, кн. 1., с. 40). Эти дискуссии, инициированные Скворцовым-Степановым, сводились к вопросу о существовании при социализме объективных экономических законов. За их признание при социализме выступали Скворцов-Степанов, Богданов и еще несколько человек, большинство же участников их отрицали. Интересно, что Бухарин, сначала отрицавший объективные экономические законы при социализме, к концу 1920-х гг. их признал, более того, он признал необходимость при социализме экономического равновесия, за что Сталин впоследствии заклеил его как последователя Богданова. В 1920-е гг. Богданов издал несколько учебников по политической экономии, статьи по проблемам планирования, участвовал в движении НОТ (научной организации труда).

Еще одним направлением теоретической и практической деятельности Богданова было развитие пролетарской культуры. В 1918–1920 гг. он был членом ЦК Пролеткульта. Но Пролеткульт пытался проводить независимую политику, «автономную» от Наркомпроса. За это в декабре 1920 г. в газете «Правда» началась кампания критики теории и практики Пролеткульта, где, в частности, Богданову припомнили «оппортунистическое культурничество», и в итоге, «обругав благодушного Луначарского, Ленин добился директивного подчинения Пролеткульта Наркомпросу. Председатель Пролеткульта Лебедев-Полянский, оставил свой пост, а Богданов оказался вовсе "не у дел"» (Гловели, 1991, с. 43).

И, наконец, в 1926 г. Богданов стал директором основанного им Института переливания крови. Помимо решения чисто медицинских проблем, он видел в переливании крови способ продления жизни человечества, а также некоторые пути построения нового, социалистического общества (но об этом далее). Богданов не только руководил институтом, но и был там, по его выражению, «главным кроликом», и в результате одного из опытов в апреле 1928 г. он скончался. Его имя было присвоено институту, но в 1937 г. было снято и восстановлено лишь в 1990 г.

Перейдем теперь к представлениям Богданова о будущем социалистическом обществе и его критике преставлений о социализме у большевиков. Идеи Богданова о социализме отчасти совпадают с идеями целого ряда ученых, начиная с Платона и социалистов-утопистов, в первую очередь Сен-Симона, идеями Маркса, от которого Богданов не отказывался, и заканчивая идеями современных ему ученых, в том числе не только социалистов, как, например, Веблен. Главным же отличием социалистической теории Богданова было утверждение, что прежде, чем совершать социалистическую революцию и организовывать социалистическое

общество, необходимо выполнить два предварительных условия – создать всеобщую организационную науку и создать пролетарскую культуру, которую необходимо внедрить в массы. Его бывшие соратники из РСДРП предполагали обратную последовательность – сначала социалистическая революция, а затем строительство социализма в области экономики, политики и культуры.

Социализм, по мнению Богданова, – это общество, объединяющее человечество в мировом масштабе. Общество социально единое, гармоничное – в нем нет противоречий между людьми. Отношения между ними строятся на чувстве взаимной симпатии, что ведет, например, в сфере экономики к отношениям сотрудничества и взаимопомощи, а в социальной сфере – к отношениям равенства и товарищества.

Управление всеми сторонами жизни в социалистическом обществе происходит из единого центра, но это не государство, так как государство, по Богданову, – это орудие принуждения. Решение об очередных целях развития общества принимается коллективно, а организация достижения цели осуществляется учреждениями планирования, учета и контроля на строго научной основе. Собственность на средства производства и предметы потребления принадлежат обществу, а конкретные параметры производства, распределения и потребления определяют плановые органы. Экономика имеет натуральный характер.

В основе появления социализма лежит объективная тенденция в развитии общества. Предыдущая капиталистическая формация порождает машинное производство и пролетариат, у которого главной мотивацией деятельности является чувство товарищества. По мере развития капитализма все больше людей становятся пролетариями и хотят жить в обществе, основанном на товарищеских отношениях, т. е. при социализме.

После построения социализма, отмечает Богданов, казалось бы, должен наступить застой, так как развитие вытекает из противоречий (при капитализме таким противоречием является конкуренция). При социализме внутренних противоречий нет, но всегда есть внешнее противоречие – с природой. Стимулом развития социалистического общества будет борьба человечества с природой для того, чтобы подчинить природу потребностям человека.

Но как уже было сказано, Богданов утверждал, что прежде, чем строить социалистическое общество, необходимо создание всеобщей организационной науки и проникновение пролетарской идеологии в широкие массы трудящихся. На это уйдет, писал Богданов в начале XX в., как минимум несколько десятилетий, и только после этого можно готовить социалистическую революцию.

Богданов считал, что современные буржуазные науки, как естественные, так и гуманитарные, для построения социализма не годятся. Они уже достигли такого уровня специализации, что специалист в одной области ничего не сможет сделать в другой. «Выработка социалистического знания, – писал он, – должна потому стремиться к упрощению и объединению науки, к отысканию тех общих ее способов исследования, которые давали бы ключ к самым различным специальностям и позволяли бы овладевать ими» (Богданов, 1990, с. 102). В результате должна возникнуть всеобщая организационная наука тектология, в которой «законы природы, общественной жизни и мышления, найденные разными специальными науками, оказались (бы. – М.П.) частичными выражениями ее принципов в отдельных областях» (Богданов, 1990, с. 283). Создание всеобщей организационной науки Богданов взял в свои руки.

Кроме того, считал Богданов, для организации всех сторон жизни социалистического общества сами люди должны соответствовать выполнению этой задачи, т. е. обладать пролетарской культурой. Другим термином, употреблявшимся Богдановым в качестве синонима слова «культура», было слово «идеология». «К идеологии... должна быть отнесена вся "идеальная" сторона (жизни. — *М.П.*): мир понятий, мир художественных образов, мир норм. Другими словами, это — речь, познание, искусство, обычаи, право, приличия, нравственность» (Богданов, 1990, с. 324).

Все эти явления также, по мнению Богданова, участвуют в организации жизни общества. «Обычай, право, нравственность, приличия регулируют и контролируют всю практическую жизнь общества: самое понятие "норма" есть явно организационное» (Богданов 1990, с. 325). Это же относится и к искусству. «...искусство, во всех его видах, являлось и является средством воспитания людей. ...искусство, как воспитательное средство, есть также орудие организации коллектива» (Богданов, 1990, с. 325). Таким образом, утверждал Богданов, «социализм осуществится тогда, когда старому культурному миру ...будут противопоставлены не только политическая сила и "хозяйственный план", а новый мир культуры» (Богданов, 1990, с. 334).

Причем, подчеркивал Богданов, формирование пролетарской культуры надо осуществлять не после, а до завоевания политической власти. «Программа культуры означает прямую подготовку, в условиях старого строя, класса-организатора, творца нового строя» (Богданов, 1990, с. 332)., поскольку «культурная несамостоятельность пролетариата в настоящее время есть факт основной и несомненный, который надо честно признать и из которого следует исходить в программе ближайшего будущего» (Богданов, 1990, с. 331). Созданием пролетарской культуры Богданов занимался в теории и на практике как до, так и после Октябрьской революции 1917 г.

Отдельным средством объединения людей в будущем социалистическом обществе Богданов считал создание системы переливания крови. В его представлении оно должно способствовать не только спасению жизни человека при ранении, но и взаимному обмену жизненной силы. Как сказал Бухарин в прощальном слове на похоронах Богданова, «Даже его идеи о переливании крови покоились на необходимости своеобразного коллективизма, где отдельные сочеловеки смыкаются в общую физиологическую цепь и повышают тем самым жизнеспособность всех вместе и каждого в отдельности» (Богданов, 1989, кн. 2, с. 346). И это дело Богданов тоже взял в свои руки — в конце жизни он создал Институт переливания крови, который сейчас носит его имя.

Как уже говорилось, идеи Богданова об условиях перехода к социализму не разделяли другие российский социал-демократы. «...в настоящее время, — писал он, — их не понимает ни один из официальных теоретиков марксизма... теоретик... ограничивается обычно замечанием, что она (эта идея. — *М.П.*) противоречит Священному Писанию Маркса и Энгельса» (Богданов, 1990, с. 327). В результате в 1911 г. Богданов вышел из рядов РСДРП, хотя продолжал считать себя социалистом и бороться за осуществление своих идей. Продолжал он и критиковать своих бывших соратников, особенно так называемое «максималистское» крыло в социал-демократическом движении. Речь идет о большевиках.

Как известно, РСДРП разделилась на большевиков и меньшевиков еще на II съезде партии, хотя формально как фракции они зафиксированы не были. Главным вопросом расхождения между ними был вопрос о сроках социалистической революции в России. Дело в том, что

«по Марксу» социалистическая революция должна была произойти сначала в наиболее развитых капиталистических странах, где пролетариат уже составляет большую часть населения. Затем – по мере развития капитализма в других странах, и они будут готовы к революции.

Поскольку Россия не была в числе самых развитых капиталистических стран и большинство населения в ней составляли крестьяне, меньшевики сделали вывод, что подготовка социалистической революции не является первоочередной задачей, а заниматься надо борьбой за права рабочих в рамках капитализма (фабричное законодательство, профсоюзы и т. п.). Менее терпеливые большевики взяли курс на социалистическую революцию, утверждая, что революция в России послужит детонатором для мировой революции, что вслед за Россией произойдут революции в ведущих капиталистических странах, вместе с которыми Россия и будет строить социализм.

В результате после Октябрьской революции 1917 г. большевики ждали мировую революцию со дня на день, и только в декабре 1925 г., на XIV съезде партии, переименованной в ВКП (б), была принята деликатная формулировка «мировая революция запаздывает», и, следовательно, надо строить социализм в одной стране, находясь «в кольце врагов». Был принят курс на ускоренную индустриализацию, на следующем съезде, в декабре 1927 г. – курс на коллективизацию, и осуществлять их стал своими – «ускоренными» – методами Сталин, пришедший к власти в 1929 г.

Все это Богданов предсказывал как до, так и сразу после Октябрьской революции 1917 г. Во-первых, программу построения социализма, предлагаемую большевиками, Богданов еще до революции называл «военным коммунизмом». В качестве идеальной модели общества военного коммунизма он указывал на армию. «Армия вообще, и в мирное, и в военное время, представляет обширную потребительскую коммуну строения строго авторитарного» (Богданов, 1990, с. 348). После октябрьской революции Богданов писал, что Ленин, «встав во главе правительства, провозглашает "социалистическую" революцию и пытается на деле провести военно-коммунистическую» (Богданов, 1990, с. 348). Богданов объяснял это тем, что «в России максимализм развился больше, чем в Европе, потому что капитализм у нас слабее, и наличие военного коммунизма как организационной формы сильнее» (Богданов, 1990, с. 352).

Во-вторых, Богданов отрицал мировую социалистическую революцию. «С одной стороны, – писал он, – земной шар страшно раздроблен политическими и национальными делениями, так что борьба за социализм ведется не как единый цельный процесс..., а как целый ряд самостоятельных и своеобразных процессов в отдельных обществах, разъединенных государственной организацией, языком, иногда и расою. ...предвидится не одна, а множество социальных революций, в разных странах в разное время, и даже во многом, вероятно, неодинакового характера, а главное – с сомнительным и неустойчивым исходом. ...затем, отдельные передовые страны, в которых социализм восторжествует, будут как острова среди враждебного им капиталистического, а частью, даже докапиталистического мира» (Богданов, 1990, с. 183).

«Но даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военной, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом. Это будет далеко не наш социализм» (Богданов, 1990, с. 184). – Это было написано еще в 1908 г. В 1918 г. Богданов развивал свой политический прогноз следующим образом. Он писал, что программа большевиков является «программой авантюры самой мрачной в истории пролетариата, самой тяжелой по последствиям. ... Естественным концом авантюры явилось бы длительное царство Железной

пяты» (Богданов, 1990, с. 314–315). Таким образом, Богданов предсказал не только общий характер советского социализма, но и режим Сталина, не имея в виду под Железной пятой лично его, так как в 1918 г. Сталин был в руководстве партии большевиков еще персоной второго ряда.

Свою же позицию Богданов охарактеризовал в письме Луначарскому вскоре после Октябрьской революции 1917 г.: «В России... солдатско-коммунистическая революция есть нечто, скорее противоположное социалистической, чем ее приближающее» (Богданов, 1990, с. 355). «Я же останусь при... другом деле, как ни утомительно одиночество зрячего среди слепых» (Богданов, 1990, с. 354). И, действительно, как уже говорилось ранее, в 1920-е гг. Богданов занимался различными видами деятельности полезными обществу, не связывая себя с большевистской партией.

Подводя итоги, можно отметить следующее. С одной стороны, представления Богданова о социализме и путях его строительства были утопичны и даже порой фантастичны, но не более, чем у многих социалистов как до, так и после Революции. Кстати, и у большевиков был большой разноречивостью в представлениях о социализме и путях его построения, до конца 1920-х гг. в партии шли об этом дискуссии, которые прекратились только с приходом к власти Сталина в 1929 г.

Можно привести два примера утопических представлений большевиков о социализме в 1920-е гг. – один из области экономики, другой – из области семейных отношений. В области экономики можно указать на попытку большевиков сразу после Октябрьской революции построить натуральное хозяйство с прямым всеобъемлющим управлением предприятиями из единого центра, как было записано в новой программе партии, принятой после Революции (это совпадает с представлениями Богданова о социалистической экономике, но он хотел сначала создать общую теорию такой экономики).

В 1920 г. эта цель была достигнута – деньги успешно ликвидировали, было прямое распределение продуктов на любых уровнях, а по поводу каждой мелочи предприятия должны были спрашивать разрешение в своем отраслевом главке Высшего Совета Народного Хозяйства. При этом и запрос, и разрешение проходили, как минимум пять промежуточных инстанций. В то же время между самими главками отношения были далеко не «шоколадными», так как шла борьба за ресурсы. В результате оказалось, что идеальная модель социализма не работает, население недовольно, и уже начались мятежи. Поэтому в 1921 г., после подавления Кронштадтского мятежа, большевики срочно ввели рыночную модель НЭПа, прикрываясь заявлением, что это отступление от социалистических принципов временное. Но после свертывания НЭПа к модели «военного коммунизма» они уже не вернулись.

Что касается семейных отношений при социализме, то в представлениях о них было много утопического. Например, известная деятельница большевистской партии А. Коллонтай уже после Революции писала, что при социализме института семьи не будет, люди будут жить в общежитиях по своим возрастным группам, избавленные от бытовых проблем, а дети, рождающиеся от свободных связей между мужчинами и женщинами, будут воспитываться в детских домах (кстати, мысль о таких детских домах при социализме была и у Богданова) (Коллонтай, 2008, с. 15).

С другой стороны, многие идеи Богданова, хоть и вмонтированные им в утопическую теорию социализма, оказались очень интересными и получили продолжение в общей теории

систем и кибернетике, в теории экономического планирования, в исследованиях переливания крови и ряде других.

Список литературы:

Богданов А.А. Вопросы социализма. М.: Политиздат, 1990.

Богданов А.А. Тектология: в 2 кн. М.: Экономика, 1989.

Гловели Г.Д. «Социализм науки»: мёбиусова лента А.А. Богданова. М.: Знание, 1991.

Коллонтай А.М. Большая любовь. М.: АСТ, 2008.

Conference Materials

THE SOCIALIST UTOPIA BY ALEXANDER BOGDANOV

Mikhail G. Pokidchenko

Doctor of Economics, Professor,

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics

(Moscow Russia)

Abstract

The article describes the life path of the original thinker of the early 20th century, A.A. Bogdanov, and the various directions of his work, which included general organizational science, the theory of proletarian culture, economic theories, and more. All of these were components of his theory of socialism, which differed to some extent from the theory of Russian Marxists, leading to Bogdanov's expulsion from the RSDLP in 1911. However, even after this, Bogdanov continued to develop his ideas of socialism both in theory and in practice.

Keywords: socialism, history, economics, politics, culture.

JEL: B20, B24, B25.

For citation: Pokidchenko, M.G. (2024) The Socialist Utopia by Alexander Bogdanov. Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, vol. 16, no. 4, pp. 191-200. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-4-191-200.

References

Bogdanov A.A. Voprosy sotsializma. M.: Politizdat, 1990. (In Russ.).

Bogdanov A.A. Tektologiya: v 2 kn. M.: Ekonomika, 1989. (In Russ.).

Gloveli G.D. «Sotsializm nauki»: mebiusova lenta A.A. Bogdanova. M.: Znanie, 1991. (In Russ.).

Kollontay A.M. Bol'shaya lyubov'. M.: AST, 2008. (In Russ.).